ДАЛЬНИЙ РОДСТВЕННИК ОБЛОМОВА

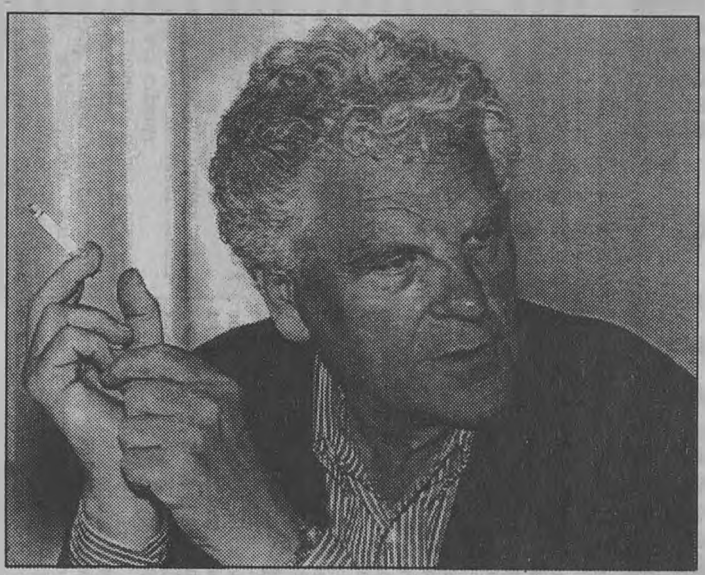
Немецкий драматург Танкред Дорст надеется, что театр не откажется от пьес, в том числе и от его собственных

Независимая газ. — 1996. — 7 мая. — С. 7

Йорг Леманн

Рефлексия

Родившийся в 1925 году Танкред Дорст, так же, как Франц Ксавер Крец и Бото Штраусс, считается видным немецким драматургом. Особенно обращали на себя внимание такие его пьесы, как «Мерлин» (1981, в сотрудничестве с Урсулой Элер), написанный на основе кельтской легенды, или «Толлер» (1968), в котором трактуется роль интеллектуалов во время революции. В 1990 году Дорст был награжден престижной премией «Georg Buechner-Preis». В феврале в помещении Театрального училища им. Б.В.Щукина состоялись организованные Гёте-институтом сценические чтения одной из последних его пьес «Господин Пауль», заглавный герой которой — некий бездельник обломовского типа.



— Ваша карьера драматурга началась давным-давно, в студенческом театре марионеток. Спустя годы можно сказать, что вы очень активный человек: написали больше 40 пьес, некоторые из них сами поставили (в том числе 3 — в кино), были издателем, преподавали в университете, состояли членом разных организаций. Может быть, страх стать таким же, как господин Пауль, пробудил в вас такую активность?

— Для меня действительно существует такая проблема. Феномен господина Пауля меня преследует всю жизнь. Поэтому я очень долго работал над этой пьесой, отказывался от нее, снова возвращался. А поскольку господин Пауль — весьма неактивная, ленивая фигура, очень трудно написать о нем драму. Театр для меня — это динамика, движение и повествование. Достичь этого сложно, когда в главной роли инертный тунеядец.

Кроме того, при написании пьесы у меня возникла проблема личного плана — я как бы отражался в этой фигуре, и, обнаруживая самого себя в ней, был напуган. Вдруг я такой же, как он, — я же не хочу быть таким! Может быть, именно этот страх вызвал во мне такое желание действовать.

С «Господином Паулем» связана еще одна тема, которая меня давно занимает. Это проблема вины и невиновности. Мне кажется, человек хотел бы на всю жизнь сохранить состояние невиновности, но этого не получается. Пауль как раз хотел бы достичь такого состояния ничегонеделаньем. Но именно тем, что он препятствует изменениям, он каким-то образом уже и виноват.

Впрочем, я в какой-то степени чувствую родство и с другим героем — Хельмом, который то же желание прикрывает чрезмерной активностью. Эта показная активность затухает в ходе пьесы, пассивность побеждает. Между этими двумя началами идет настоящая борьба.

— Сегодня у вас была возможность присутствовать на репетиции вашей пьесы «Господин Пауль». Какое впечатление она на вас произвела? Соответствовала ли она вашим представлениям?

— Я смотрел разные постановки этой пьесы, одни из них мне близки, другие не очень, что, наверное, в меньшей степени связано с качеством постановок, чем с моим представлением о том, какой она должна быть. Это представление складывается обычно уже в ходе работы. Иногда оно претворяется в жизнь, а иногда вовсе нет, потому что постановщики в каждой стране по-своему воспринимают моих персонажей.

Сценические чтения с учетом того, что они собственно не являются постановкой, оказались очень удачными. Труппа отличная, можно бы попробовать сделать настоящую постановку. Мне кажется, что эта пьеса очень актуальна сегодня в России, — проблема активности и пассивности злободневна и здесь. А тематика «Господина Пауля» по сути близка русским.

— А каковы ваши впечатления от русского театра?

— Здесь много прекрасных актеров. Что бы ни являлось причиной этого — талант или хорошая выучка, — я этому удивляюсь. Я здесь смотрел много разного, в том числе одну постановку Анатолия Васильева «Плач Иеремии». Он называет это оперой, но мне это скорее всего показалось религиозным ритуалом, производящим сильное впечатление. Это отлично сделано — если бы подбор театров для фестиваля «Театр мира» находился в моих руках, я бы пригласил Васильева (а может, так и сделают). Это театр высокой пробы, строгий и серьезный.

Надо, наверное, добавить, что я смотрел исключительно современные пьесы. Из классики я ничего не смотрел. А в этом направлении есть пограничные случаи, когда можно говорить о перфомансах (как, например, «Школа для дураков» Соколова). Мне бросилось в глаза (как и во время других поездок), что в спектаклях-перфомансах скорее проявляются находчивость, фантазия постановщика, чем в постановках обычных пьес. Как автор я жалею об этом и надеюсь, что театры не обойдутся без драматурга. С другой стороны вполне возможно, что они в конце концов в своем творчестве начнут применять более свободные формы.